

Ум и наука

Семён Самсонович Кутателадзе, докт. физ.-мат. наук, профессор, главный научный сотрудник Института математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения РАН, специалист в области функционального анализа, выпуклой геометрии, оптимизации и нестандартного анализа, автор двух десятков книг, член редколлегии многих научных журналов.

Это отклик на некоторые идеи сочинений Ирины Самаховой – «Про ученых и ослов» («Полит.ру») и Юрия Леонова – «Мифы в вопросах организации науки» (Вестник РАН №1, 2010). Бонапарт имел в виду защиту настоящих ученых и биологических ослов.

Строить заградительное каре вокруг самовосхваления, канючения денег, пофигизма, конформизма, византийства и небологических ослов не стоит.

Ум и наука – слова лексически зависимые. Не стоит этого забывать при решении извечных вопросов мордобоя, «с кого начать» и «кому задать», вставших в центр дискуссий вокруг реформирования науки и образования в России. Нетрудно видеть, что вектор властных инициатив по инновациям и реформам направлен не в сторону Российской академии наук. На Академию власть при этом не покушается, вопреки крикам современных беотийцев. Снисходительность властей – вещь, может быть, и неплохая, а вот то, что начало вектора перенесено не в Академию наук, – обстоятельство крайне удручающее. Оно свидетельствует о более чем скромном месте Академии в интеллектуальной жизни России. Известные знаки внимания властей, конечно, Академии оказываются с приличествующими книксенами и реверансами в стиле госпремий, ритуальных телеграмм и награждений. Однако реальные процессы реформирования науки обтекают Академию, как утес на стремнине. Вода камень точит – тут ничего не поделаешь...

«Как же так! – гневно возразит читатель. – Как Вы можете говорить о малой роли Академии в России. Ведь Академия – главный инструмент сохранения и развития науки в России уже почти триста лет, а наука – в центре современной мировой культуры».

Отвечаю.

Эмоции не отменяют факты. На самом деле именно деградация науки и образования в России является наиболее очевидным и полным доказательством того, что Россия отошла от общих тенденций мировой культуры, а академическое сообщество России, и прежде всего Российская академия наук, не справляется с задачами своего общественного предназначения. Академия давно перестала быть лидером в мире мнений России.

Отношения Академии с новым российским обществом выстроены малоудовлетворительно. Академия уступает научное поле атакам клерикалов, проигрывает мистикам, распространителям слухов и невежеству обывателей, обольняемых ежечасно многими СМИ. Давно перестали восприниматься как экстремистские суждения о том, что Академия разлагается изнутри и предаёт основополагающие принципы науки. Поток лженаучных публикаций давно затек и в бастионы Академии. Закрытые глаза на академическую лженауку дела не меняют.

Авторитет Академии сегодня низок как никогда. При этом надо понимать, что этот авторитет не равен сумме авторитетов его членов, а величина особая, построенная интегрированием с весами разнообраз-

ных элементов, среди которых суждения официальных спикеров Академии, смысл и содержание постановлений, отношение к феноменам науки и общества, проводимая руководством вольно или невольно политическая линия, публичный имидж спикеров и многое другое.

В Академии немало исключительно острых и ответственных умов России. Академия часто слушает, но редко прислушивается к суждениям своих выдающихся членов, тонко ощущающих нерв общественной жизни. Эта традиция, рожденная самодержавием и поддержанная советским тоталитаризмом, тормозила науку в России в прошлом и становится ее могильным камнем в век свободы.

Нельзя не отметить, что в академической элите явно преобладают два суждения. Первое состоит в полном отрицании деградации науки и образования в России. Вокализуется такое мнение тем чаще, чем выше расположен его источник в научной иерархии. Подобный взгляд следует квалифицировать как не слишком умный, но безобидный ввиду его очевидного несогласия с фактами жизни. Второе суждение очень распространено в академической среде и в особенности среди людей, состоявших в науке и занимающих верхние академические эшелоны. Это суждение признает элементы деградации, но объявляет мифом любое объяснение деградации, отличное от недостатка бюджетного финансирования. «Если дать денег Академии, то все проблемы ликвидируются механизмом саморегулирования науки» – вот господствующий тезис.

Пора от глупости отказаться. Решают все люди, а не деньги. Академические проблемы стоят именно перед людьми науки. Разрушают науку сами ученые, как это ни печально. Бесплодны и малоприличны попытки переложить свои проблемы на чужие плечи. Не общество виновато в том, что не слышит голоса ученых. Общество и народ лежат за пределами понятия вины. Человечество как популяция несет неисчерпаемый запас мудрости и таланта. Таковы и народы, населяющие Землю и сохраняющие свои гены и мемы для будущего. Народы России свое Отечество сохраняют верно и крепко веками. Никуда эти ценности наши от нас не делись. Вину вменяют не народам, не обществу, а конкретным институтам самоорганизации и людям, за эти институты отвечающим.

Путь, по которому идёт сейчас Академия, превращает её организационные структуры – отделения и секции – в собрания представительские, где научная деятельность не ведётся. Так в большинстве своем устроены зарубежные академии. Между тем в России было иначе: Академия наук и задумывалась Петром, и всегда являлась центром научных исследований, а не клубом избранных. Сейчас Академия фактически перестала быть научным учреждением: два-три научных доклада за год на Общем собрании РАН – это декорация и имитация научной работы. Настоящая научная жизнь идёт в институтах Академии, а не в ней самой. Научным сотрудникам академии до организационных структур академии и её общих собраний нет никакого дела. Для научного плебса некоторый интерес представляют только результаты выборов в Академию, а отнюдь не решения Президиума, секций и отделений Академии. Иначе говоря, Академия от науки оторвана организационно. Так

последние годы занятиями ничтожными – распиловочными и представительскими. Нужно реорганизовать секции, придав им научные функции типа институтских, или, что менее радикально, укрупнить институты, перестроив их в научные центры. Делать это нужно не только по региональному, но и по профессиональному принципу. Нужны объединённые общероссийские научные коллективы и структуры. Скажем, математические институты, которых море с учетом учреждений прикладной и вычислительной направленности, не должны быть разобщены организационно. Сейчас отдельные или родственные отделы, скажем геометрии или логики в Москве, Петербурге и Новосибирске, почти не связаны фактически, в них идёт разная, практически никак не скоординированная жизнь, что является рудиментом и пережитком позапрошлого века. В эпоху Интернета и семинары, и учёные советы, и защиты могут проводиться в режиме видеоконференций и т.д. и т.п.

Надо разрушить изоляционизм, дублирование подразделений и мелкотемье, укрупнять и консолидировать научные коллективы, работающие над родственной проблематикой. Скажем, все специалисты по алгебре в академических учреждениях России вполне могут состоять в одном отделе единого математического института. Понятны и научные, и материальные выгоды такого укрупнения. Академия обязана стать инициатором и администратором всей реорганизационной работы, направленной на свое приближение к реалиям производства и сохранения знаний, на своё возрождение в качестве высшего ученого совета России. Понятно,

что для новых задач нужны и новая команда управленцев, и новый устав.

Научный мир России и его штаб – Российская академия наук – должны к себе оборотиться, не откладывая дело в долгий ящик. Увидеть собственные ошибки в выстраивании диалога с властями и обществом. Не гнушаться своим умом, главным признаком которого является самокритичность. Не канючить денег, а думать, принимать решения и действовать, избавляясь от балласта предвзятых идей, конформизма в себе и своем начальстве. Короче говоря, науку в России сохранить могут только ученые России. Те, которые от слова *ум*. ♦

Рис. В. Богорада

было не всегда. До конца 1960-х годов институтами было немногим меньше, чем сейчас секций и отделений. Поэтому в Академии шла нормальная научная жизнь – через институты, которые не были от Академии оторваны. Скажем, были Математический институт и Физический институт, а еще раньше – один Физико-математический институт Академии.

Магистральный путь обновления – разворот собственных структур Академии к сфере науки России. Именно это путь подсказывает нам почти 300-летняя традиция Российской академии наук.

Необходимо перестроить Академию, вернув ей функции научные, которые вытеснены в